Одного — на лавку, *а шестерых под лавку?*

Скандал, разгоревшийся этим летом вокруг двухлетнего Серёжи, которого 14 августа Республиканский специализированный дом для детей с поражением центральной нервной системы и нарушением психики «Ёлочка» передал в приёмную семью, поднял на высокий уровень обсуждения сразу несколько животрепещущих тем: работу домов-интернатов, реальное состояние дел в отношении их подопечных и вопрос необходимости менять саму систему опеки. Напомню, приёмная мама Серёжи Ольга Крамная через четыре дня после того, как забрала малыша из специнтерната, забила тревогу, что мальчик отказывался есть. А из больницы, куда её с ним госпитализировали, заявила, что в «Ёлочке» Серёжу морили голодом. Сегодня, уже находясь с ребёнком дома, она регулярно выкладывает фото и видео в соцсетях. И надо сказать, что парнишка действительно преобразился: если на первых снимках мы видели почти безжизненное тельце ребёнка, на вид которому не больше года, то сейчас он самостоятельно сидит, ест, вполне активен и, по утверждениям О. Крамной, каждый день понемногу набирает вес. Но волна возмущения по поводу якобы бесчеловечных условий содержания детей в симферопольской «Ёлочке» успела докатиться до Москвы: приезжали разбираться столичные специалисты, которых в Крым направила Уполномоченный при Президенте России по правам ребёнка Анна Кузнецова, подключился и Следственный комитет. При этом в неожиданно возникшей борьбе с работниками детдома, чиновничьим аппаратом все как-то позабыли о ещё шестерых фигурантах, которые, безусловно, попали в водоворот событий, и всё происходящее на них тоже отразилось.

Ни один казённый дом, даже самый хороший, не сможет создать тёплый семейный очаг.

МАССА НАРУШЕНИЙ

Кратко расскажу предысторию. Одна отважная женщина по имени Ольга Крамная решила взять на воспитание двухлетнего мальчика Серёжу, у которого диагностировали «большой перечень заболеваний, обусловленных образом жизни его биологической матери и тем, что родился недоношенным», что подтвердила впоследствии детский омбудсмен. Ольга получила все необходимые документы на ребёнка ещё в марте этого года, но из-за пандемии короновируса его передача в приёмную семью затормозилась на 6 месяцев. И вот, когда пришло время забирать малыша, оказалось, что он, со слов приёмной матери, находится между жизнью и смертью: помимо врождённой патологии — расщелины мягкого нёба (волчьей пасти), у него — критичная масса тела (6 кг 100 г), обезвоживание, рахит, деформация черепа, крестцово-копчиковый свищ. К сожалению, пока идёт следствие, сотрудники специнтерната от комментариев воздерживаются. Зато представитель региональной благотворительной организации «Наша надежда» Анастасия Гуляихина, подтверждая слова опекуна, которой этот фонд помогал оформлять передачу ребёнка, заявила в середине августа, что Серёжа не сидит, не ходит и не ест самостоятельно, не говорит, а операция по закрытию «волчьей пасти», обычно проводимая до года, не сделана.

Однако ребёнок в таком состоянии всё же был передан Ольге, к тому же без должных инструкций в отношении кормления. Оказывается, долгое время мальчик питался через зонд, и когда он оказался на руках опекуна, видимо, есть самостоятельно не мог. Через четыре дня, вероятно, поняв, что без помощи специалистов не справиться, Ольга обратилась в Симферопольскую центральную районную клиническую больницу. Там её вместе с ребёнком немедленно госпитализировали.

Оттуда опекун поведала миру (через социальные сети), что у Серёжи свищ и деформация затылочной части головы (цитирую) «оттого, что изверги, ухаживающие за детьми, просто его не переворачивали». Женщина пообещала поставить мальчика на ноги, при этом призвала спасти остальных воспитанников детского дома, за которых, по её убеждению, заступиться некому. С этого момента волна скандала начала набирать мощь и докатилась до Москвы. Реакцию долго ждать не пришлось. В Крым отправился десант медиков и правозащитников, которых направила главный детский омбудсмен страны Анна Кузнецова. Был проверен не только специнтернат «Ёлочка», но и Белогорский для детей-инвалидов, где обнаружили нехватку врачей. По «Ёлочке» сделан вывод, что 80 малышей питались неправильно, поскольку в этом учреждении отсутствует специалист, который разрабатывал бы меню для сложных воспитанников. Что же касается Серёжи, то московские врачи также сделали вывод, что малыш отстаёт в развитии из-за «недостаточного внимания к организации питания». Правда, это были не окончательные выводы — крымскому следкому предстояло дотошно во всём разобраться.

И ведь было в чём, поскольку Министерство здравоохранения, которое курирует специнтернат, «Нашей надежде», со слов руководителя этой общественной организации, накануне отвечало: «Всем воспитанникам Дома ребёнка обеспечено полноценное физическое и психическое развитие, проводятся постоянная социальная адаптация и подготовка к жизни в обществе». Эта информация совершенно не срасталась с тем, что выявили московские правозащитники лишь при поверхностном осмотре. Странным выглядело и то, что всё это время не проявляла активности Уполномоченный по правам детей в РК Ирина Клюева, ведь по идее сразу после появления первой информации о состоянии Серёжи она должна была, словно орлица, расправить крылья и немедленно лететь спасать малыша и одновременно искать обидчика. Но вплоть до появления московской делегации И. Клюева на ситуацию не реагировала. Однако волну, каждый день подкрепляемую всевозможными обвинениями в сторону работников «Ёлочки», уже было не остановить. А молчание сотрудников лишь усугубляло их положение. И вот уже Генпрокуратура России даёт поручение Прокуратуре Крыма в специализированном интернате провести проверку. Та в кратчайшие сроки его выполняет и уже в середине сентября докладывает: в целях раннего выявления заболеваний необходимо проводить диспансеризацию, однако из 76 воспитанников 45 её не проходили. Также, по данным правоохранительного органа, учреждение оказывало услуги детям с паллиативным статусом, не имея лицензии на предоставление таковых. Ну и уже известное — в учреждении отсутствуют специалисты по организации спецпитания детей… через зонд, «которое является неотъемлемой частью лечебного процесса и входит в число основных лечебных мероприятий». К этому «букету» прокуратура добавила отсутствие систем оповещения при пожаре и нужного количества огнетушителей — будто до этого ничего не видела, а теперь обнаружила всё и сразу. Или прокуратура, министерства, Уполномоченный по правам детей никогда прежде эти учреждения не проверяли?..

Такие дети, как Серёжа, нуждаются в особом внимании и медицинском обслуживании.

ЖАННА Д'АРК?

Конечно, этот скандал вскрыл «фурункул». Теперь, надеюсь, уже на федеральном уровне будет пересмотрено многое и в плане контроля над такими детскими учреждениями, и в плане их сопровождения независимыми от «системы» контролёрами. На этом можно было бы поставить точку, в последний раз подчеркнув, какая Ольга Крамная молодец, поскольку не побоялась пойти против той самой пресловутой «системы» и разворошила слежавшееся гнездо, вытащив наружу годами не решавшиеся проблемы: отсутствие нужных специалистов, недолжный уход за подопечными, инфантильность профильных министерств и ведомств. Но… её же, Крамной, активность вскрыла ещё один «нарыв», который, уверена, тоже надо поднимать на уровень профессионального обсуждения. Сейчас многие общественники призывают закрыть все интернаты, в том числе те, где находятся дети с физическими и умственными недугами. Мол, детдома не нужны, ведь какие бы они замечательные ни были, лучше настоящей семьи детей никто не сможет социализировать, больше матери их никто не будет любить. Почти всё верно, за исключением одного — всегда будут больные малыши, которых не получилось оформить в семью (не со всеми диагнозами это возможно, и не каждая потенциальная семья может самостоятельно справиться с проблемами ребёнка). Кстати, ситуация с Серёжей — яркое тому подтверждение. Кроме того, кто даст гарантию, что опекуны будут действовать как настоящие любящие родители и грамотные воспитатели? Мы знаем массу примеров, когда выявлялись в подобных семьях самые отвратительные ситуации, детей брали под опеку исключительно ради получения дополнительного дохода. Поэтому многие активисты выступают как раз против возможности оформлять опекунство больше чем на трёх детей, за исключением варианта, когда все — родные братья и сёстры.

И тут, во время разбирательств, узнаю, что у нашей героини находятся дома (пока она с Серёжей была в больнице), внимание, аж 6 приёмных детей (!), которых она взяла под опеку лишь год назад. Естественно, тут же возникли вопросы: «Во-первых, неужели по законодательству возможно, чтобы незамужняя женщина, прежде не имеющая опыта материнства, проживающая вместе с престарелыми родителями, может вот так сразу оформить опекунство над шестью детьми и меньше чем через год взять седьмого, да ещё такого тяжёлого, требующего постоянного ухода и медицинского обслуживания? Во-вторых, куда смотрит отдел опеки, чем руководствуется, принимая такие решения? И в-третьих, кто занимается с мал мала меньше в то время, когда их приёмная мать находится в больнице с только что взятым из интерната седьмым ребёнком? И с кем дети будут оставаться каждый раз, когда она будет на стационаре с Серёжей (известно, ему предстоит, по меньшей мере, одна операция в Москве)?».

Согласитесь, в данном случае эти вопросы вполне уместны и возникли не только у меня, но, например, и у психолога Оксаны Сандуловой, которая, к слову, ведёт школу приёмных родителей, где проходят обучение все потенциальные опекуны, в том числе проходила её и О. Крамная. Так вот, последний вопрос тоже очень интересовал психолога.

«На курсах Ольга себя проявила вполне адекватным, думающим человеком, поэтому ей и позволили взять сразу шестерых разновозрастных детей, ведь они родные братья и сёстры. За год даже с кого-то из ребят сняли первоначально поставленные диагнозы. За это я могла бы ей сказать: «Браво!». Ну, так воспитывай этих детей дальше, зачем же бежишь за седьмым? Они же не котята, каждому нужны особый подход и постоянное внимание, особенно в первые годы жизни в приёмной семье. За год они ещё даже не социализировались на 100%, а ты уже от них отрываешься и всё внимание направляешь на другого, им не кровного, человечка. А ведь дети, особенно приёмные, всё воспринимают очень остро и по-своему», — говорит О. Сандулова, обращая внимание, что родители Ольги, хоть и помогают ей официально, но никогда мать не заменят — тут уже срабатывают природные механизмы. Хотя по законодательству «нет ограничений для кандидатов по наличию/отсутствию зарегистрированного брака, опыта материнства и совместному проживанию с другими членами семьи», как ответили нам в Отделе опеки и попечительства по Симферопольскому району, где оформлялись документы на детей.

Казалось, что на последний вопрос Ольга обязательно захочет ответить сама, поскольку, сознательно открывая «ящик Пандоры», должна была отдавать себе отчёт в том, что вопросы появятся не только к «Ёлочке», но и к ней, и будут они разные: удобные и не очень. Если не быть к этому готовой, то непонятно, зачем привлекать внимание прессы, ведь, по её же словам, социальные сети, где она выставила первое и последующие обращения, практически приравнены к средствам массовой информации. Более того, она причисляет себя к журналистскому сообществу, называя нас коллегами (правда, тут же угрожает, мол, будете писать плохо, подам в суд). Ого! На мои вопросы О. Крамная отказалась ответить, несмотря на то, что в них не было ничего крамольного. И, кстати, вся информация, поданная в СМИ, имела весьма